

Мотив богообщения в русской поэзии первой трети XIX века

Татьяна Нестерова*

Профессор, Мичуринский государственный аграрный университет.
Мичуринск, Россия.

(дата получения: июнь 2015 г.; дата принятия: июль 2015 г.)

Краткое содержание

В статье анализируется русская поэзия первой трети XIX в., которая, как и вся отечественная литература, не была никогда лишь сферой художественной, получив своё предназначение в качестве фактора национального самосознания эпохи. Решение творческих проблем, стоящих перед поэзией, побуждало авторов обращаться к историческим темам, религиозно-православным традициям русской культуры – факторам, определяющим концептуальные основы национальной самобытности. Поэты разных дарований, идейных позиций, литературных направлений сходились в одном – истоки национального самосознания базируются на двух исходных положениях: духовных убеждениях, связанных с православием, и исторических принципах, опирающихся на государственные идеи. Оба свойства, находясь в непосредственной сопричастности, раскрывают главенствующее качество русского взгляда на мир, ориентированного на пасхальный архетип, то есть на приоритет духовных начал в жизни. Обращаясь к жанру молитвы, поэты большое значение уделяют Слову через мотив богообщения.

Ключевые слова: Бог, православие, молитва, богообщение, духовные убеждения.

* E-mail: tnester60@yandex.ru

Введение

Для русских поэтов первой трети XIX в., как их современников, ощущающих своё бытие в «генетическом» родстве со Священным Писанием, метаязык Библии давал неоценимую возможность адекватно осмыслить корневые черты национального характера. Диалог с культурным библейским наследием в поэзии первой трети XIX в. осмысливался ведущим принципом, позволяющим постичь основы самосознания русского православного человека. Значение имел тот факт, что «особенностью русского мышления является <...> интуиция» (Франк 1996. 151). «Неприятие всякого рода туманного иррационализма и восторженности является даже особенностью русского духа. Но, с другой стороны, ему совсем не свойственно постижение истины в логических связях и благообразной систематичности. Хотя систематическое и понятийное познание ему не кажется чем-то второстепенным, но всё же является чем-то схематичным, совсем не способным дать полную и живую истину» (Франк 1996. 151). Таким образом, русский человек мыслит историческими категориями не рационально, а образно, что созвучно библейскому повествованию, особенно прослеживаясь в Новом Завете.

Вторая причина может быть объяснена своеобразием русского суждения об истине. Как справедливо отмечал С.Л. Франк, «кроме слова «истина», которому точно соответствует немецкое «Wahrheit», имеется ещё другое понятие <...> Это понятие выражается непереводаемым словом «правда». <...> русский мыслитель <...> всегда ищет «правду»; он хочет не только понять мир и жизнь, а стремится постичь главный религиозно-нравственный принцип мироздания, чтобы преобразить мир, очиститься и спастись» (Франк 1996. 152).

Третья причина, имеющая наиболее принципиальное значение для национального мировоззрения, связана с эсхатологическим восприятием мира русским человеком. Согласно Н.А. Бердяеву, «самобытная русская мысль обращена к эсхатологической проблеме конца, она окрашена

апокалиптически. В этом — отличие её от мысли Запада» (Бердяев 1990. 3). Само это свойство, принципиальное для христианской догматики, пришло на Русь из Византийской Церкви, но наполнилось особым национальным идеалом. Если византийским христианством главный акцент ставился на неизбежность страданий для человечества, погрязшего в грехах, то для русского православного сознания Апокалипсис прежде всего ознаменован преображением человека и его воссоединением с Господом, хотя для этого нужно будет претерпеть страдания и не сломиться перед антихристом. Вот этой последней битве с противником Бога придавалось особое значение. Русскому сознанию и в восприятии эсхатологических идей в высшей степени было присуще свойство, определяемое как государственное мировоззрение. Оно стало ориентиром, показывающим русский народ богоносцем, а Россию движущей силой мировой истории. Такая концепция порождала особые отношения личности и государства в решении сверхзадачи — возвращение человечества к Богу. Самобытная историософская мысль, зародившаяся в недрах национального самосознания, даёт ключ к пониманию таких черт русского характера, как максимализм, оптимизм, почитание честию «умереть за други своя», всемирная отзывчивость, бесстрашие, умение во всех жизненных испытаниях видеть Божий Промысел, духовные ценности ставить выше материальных. Государственное мировоззрение, выросшее из православия, предопределило и судьбу самого Отечества, столь боготворимого русским народом. Решение задач, имеющих судьбоносное для страны значение, воспринималось священным историческим предначертанием, суть которого выходила за рамки национального масштаба. Примером может служить Отечественная война 1812 г. Русскому народу оказалось недостаточным выдворить с позором французскую армию из России, он был должен вырвать с корнем зло, исходившее от Наполеона, и освободить европейские народы, склонившие свои головы перед ним и не помышлявшие о сопротивлении.

Основная часть

Православное мировоззрение, направлявшее национальную мысль к Богу, создавало метафизическое отношение русского человека к Слову (греч. логос), воспринимавшемуся в соответствии с евангельским изречением: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Всё чрез Него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть» /Ин. 1:1–18/. Эсхатологическая вера в то, что последнее слово в человеческой истории будет за русским народом, возбудила трепетное отношение к молитве, способной активно воздействовать на духовную сферу человека и наделять его провиденциальным мышлением. К молитве обращались многие поэты, и всегда этот художественный опыт был ознаменован личным духовным преображением, к которому надо было подготовиться не только творчески, но и нравственно. Красноречивым подтверждением тому является поэзия П.А. Вяземского, написавшего в 1821 г. «Молитвенные думы»; и только спустя два десятилетия, будучи зрелым человеком, много пережившим и испытавшим на своём веку, поэт начинает создавать непосредственно молитвенную лирику. К питательной почве молитвы А.С. Пушкин обращается, отрекаясь от индивидуалистической гордыни, К.Ф. Рылеев — от идеологических амбиций, Е.М. Языков, прочувствовав глубину православной веры.

Голос молитвы имеет силу и крепость уже в поэзии первого десятилетия XIX в., что особенно характерно для эпических поэм, решающих проблемы национально-государственного значения. Молитвенный эпизод непременно присутствует в «Петриадах» — поэмах о царе Петре I, в которых самодержец приносит «Вышнему мольбу усердну» после победы над стрельцами, просит Творца быть помощником «России ополченной» перед Полтавской битвой (Р. Сладковский «Пётр Великий» /1803/), поэмах о Смутном времени; например, в поэме С.А. Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасённая Россия» /1807/ молитва умирающего от голода в польском плену патриарха Московского и всея Руси Гермогена Господу о спасении Отечества занимает всю первую песнь, имеющую особое смысловое значение для всего произведения.

Отечественная война 1812 г., во время которой Россия вела борьбу против вторгнувшейся в её пределы французской армии во главе с Наполеоном, «возбудила и в царе, и в народе благоговение пред Вседержителем» (Макарий (Глухарёв) 1905. 205). Это усилило тему богообщения в поэзии через творческое осмысление молитвы в контексте пасхального архетипа русского сознания с присущими ему мотивами спасения и преображения. Следовательно, достижение Наполеоном императорской власти, покорение им Европы, честолюбивые планы в отношении России есть всего лишь соблазн самоутверждения, а не реализация Божьего замысла — факт очень важный для русского мироощущения в его видении Отечества через идеи мессианства.

Такого рода аргументация присутствует в «Молитве русского народа при воспоминании Полтавской победы» /1812/ С.Н. Глинки, созданной в начальный, самый тяжёлый, период войны с Наполеоном. Постигая злободневные обстоятельства через осмысление Полтавского сражения, в котором русская армия под предводительством царя Петра I разбила шведов во главе с королём Карлом XII, поэт во главу угла ставит не физическую мощь державы, а внутреннюю крепость нации, что было важно в обстановке внезапно ворвавшегося военного быта, ограниченных, к тому же противоречивых, сведений из театра военных действий. Понимая, что соотечественникам нужна нравственная поддержка, поэт её находит в Священном Писании. Хотя в «Молитве русского народа при воспоминании Полтавской победы» нет воспроизведения библейских событий как источника прямой реминисценции, чувствуется чёткая ориентация на начало Священной истории — время сотворения мира. Концептуальными для осмысления идеи произведения служат последние строки:

Людьми Твоими ввек мы будем,

А Ты век будешь нам от цом!

(Собрание ст ихот ворений, от носящихся к незабвенному 1812 году.

Ч. П. 1814. 106).

Именно тогда произошло разделение на тех, кто остался верен Богу, и возгордившегося павшего ангела, предавшего Творца. Поэтому среди добродетельных черт, характеризующих русских людей, выделяется смирение: «Пётр «смирения не забывал», «спаси, Господь! Царя смиренна», «мы <...> смиренъем хвалимся сердец». Их «строптивый» недруг, напротив, его лишён: он «злойбой хвалится», в нём «алчет злоба исступленна». Только в контексте библейской истории о сотворении мира можно постигнуть полную семантику определения «изменник» по отношению к противнику россиян – Наполеону. Император французов, как когда-то падший ангел, изменивший Божьим заповедям, из союзника по Тильзитскому миру превратился в главного врага России, что архетипически связывает Наполеона с героем из Ветхого Завета. Священная история является тем контекстом, входя в который, события национальной жизни наполняются более широким смыслом, не теряя при этом конкретики. Ассоциативно-символический ряд, складывающийся из дистанцированных эпизодов русской истории, отражённых один в другом, усиливает свой смысловой потенциал через комплекс молитвенного богообщения, придавая метафизическую сущность национально-государственному организму.

Как правило, констатируя в названии отсылку к жанру молитвы, поэты лишь отдельными структурообразующими элементами и лексическими средствами на уровне «общих мест» отражали черты, свойственные христианскому первоисточнику. Нередко в названиях может отсутствовать само слово «молитва», заменяясь номинативами: «глас», «песнь». Главным для стихотворений подобного рода является не стилизация молитвословия, а передача заложенного в молитвах христианского понимания служения земному Отечеству. Тематически их можно разделить на две группы: первая — прошение к Богу о ниспослании желаемого, вторая – благодарение за помощь. Первая группа стихотворений, как правило, включает два семантических центра: мольба к Творцу о помощи и выражение чувствоизъявлений уверенности в получении просимого в скором будущем или описание

результатов обращения как состоявшийся факт. Замещение «я» на «мы» даёт не индивидуальную, а общую значимость желаемого, отражая соборное сознание нации, являющееся характерной особенностью чисто русского духа, не имеющей ничего равноценного в западной культуре. При этом «мы» (русская нация) и «Ты» (Господь) находятся в одной плоскости отношений:

Живём Твоим мы охраненьем,

Любовью хвалимся Твоей.

/С.Н. Глинка «Молит ва Богу при воспоминании Полт авской победы»/

(Собрание ст ихот ворений, от носящихся к незабвенному 1812 году. Ч. II. 1814. 195);

Повсюду будь нам предводит ель...

/ С.Н. Глинка «Молит ва русских при опоясании на брань»/

(Собрание ст ихот ворений, от носящихся к незабвенному 1812 году. Ч. II. 1814. 32).

Враг же, отвергающий христианские добродетели, не вписывается в эту систему нравственных ценностей:

Велит кумиры обож ат ь,

Священны храмы оскверняет ,

Намерен Веру он попра т ь.

/«Глас к Богу московских ж ит елей во время нашест вия французов» (без подписи авт ора)/ (Собрание ст ихот ворений, от носящихся к незабвенному 1812 году. Ч. II. 1814. 32)

Скудость исторической конкретики в этих произведениях восполняется ярким пафосным звучанием, помогающим постичь духовные переживания

соотечественников. Выбор просимого даёт существенный материал для историко-культурных выводов о состоянии русского мировоззрения в период войны с Наполеоном. Традиционно стандартный набор определяется общенациональными задачами, а индивидуальные желания становятся частью общих. Враг же связан с материально-предметным миром, который он разрушает, но при этом отойти от него, чтобы соединиться с высшими силами, не может.

Для понятия исторического смысла, заложенного в художественное пространство стихотворений, необходимо обратиться к Библии, характеризующей всемирный процесс как реализацию Божьего Промысла в спасении человечества от дьявольского порабощения. Таким образом, национальные происшествия являются своеобразной калькой всемирных событий, где России предназначена мессианская роль, а Наполеон, напротив, ассоциируется с антибожественными силами.

Восприятию событий в русле пасхального архетипа помогает часто используемый в произведениях приём контраста между нравственными и физическими страданиями русских людей в период наполеоновского нашествия, на уровне аллюзий связанными со страстными муками Сына Божьего, и победой, знаменующей воскресение России для новой мирной жизни. Сам факт мученичества Христа переносится в современную для авторов действительность, поскольку не только русские люди пострадали от французов, но и сам Спаситель претерпел от них новые муки:

Он был ж ерт вой галлов лют ых!

О, уж асныя минут ы!

Лик Христ ов попраи!

/«Ст их и в день Свет лого Христ ова Воскресения мат ери от дет ей»

(без подписи авт ора) / (Собрание ст ихот ворений, от носящихся к незабвенному 1812 году. Ч. I. 1814. 241)

Логика подсказывает, что если Христос мучается вместе с русским народом, то он на его стороне. Поэтому естественно в художественный текст входит мотив противопоставления Запада (Франция) и Востока (Россия). Отталкиваясь от реальных фактов глумления французов над православными святынями в Москве и других частях России, автор передаёт масштабность национальной трагедии за счёт её соединения с евангельской ситуацией.

Пасхальные традиции позволяют актуализировать в одном произведении национально-патриотический аспект в двух временных формах – прошедшее время как период испытаний на прочность российской государственности и настоящее, выраженное через мотив ликования:

Ликуй т орж ест венно, Россия...

/А. Кулаков «Ст их и в день Богоявления Господня»/ (Собрание ст ихот ворений, от носящихся к незабвенному 1812 году. Ч. I. 1814. 110).

Ликуй и радуйся, Россия!

/А. Урываев «Песнь на поражение галльского фараона, посвящённая знаменит ому покровит елю сочинит еля, его превосходит ельст ву Павлу Ивановичу Голенищеву-Кут узову»/ (Собрание ст ихот ворений, от носящихся к незабвенному 1812 году. Ч. I. 1814. 101).

Художественный опыт произведений духовного содержания периода войны с Наполеоном не прошёл бесследно для поэзии, продолжая оказывать влияние на творчество поэтов в последующие десятилетия. Молитва, определяя цельность и универсальность христианского мировоззрения, помогала увидеть родовую общность русских людей разных веков, оценить героев в русле непреходящих для национальной жизни ценностей. Если в первой половине 1810-х годов молитвенная форма перерабатывалась поэтами для стихотворений, несших функцию хроники дня и одновременно резонатора духовной жизни, то теперь она становится интересна авторам, обратившимся к

прошлому России, что даёт более углубленное представление о русском православном мировоззрении в историческом разрезе.

В поэме А.П. Степанова «Суворов» /1821/ перед каждым сражением русский генералиссимус, не проигравший ни одного сражения, «к Предвечному взывает»:

Спасит ель! Будь защит ой!

Единая надеж да Ты

(Ст епанов 1821. 226).

Сила православной молитвы подчёркивается образами врагов, являвшихся представителями «всех адских сил». Однако Суворову, защищённому «крепостью» «небес», подкреплённому «силой веры», ад, который он «зрит», не страшен. Его мощь гиперболизируется, наполняя конкретный бой, происходящий в Италии, апокалипсическим мироощущением: полководец «драконов рубит пополам», «с колесницы их срывает», «сосну преломив, вторгает чудовищам в отверстый зев», «их с вершины чрез скалы мечет на долины». Однако высшая миссия Суворова в Европе, которому император Павел «вручает <...> громаы», заключается не в том, чтобы «державы покорять», а в том, чтобы «царства, к бедствиям влекомы, во имя Вышнего спасать», о чём в предуведомлении к поэме сообщает автор, заявляя читателям цель «своего сочинения». «Герой, мудрец и благодетель» показан как «отец народов», который «пол-Италии прикрыл своим щитом несокрушимым», «отраду подавал гонимым». Именно Суворов, подкреплённый «силой веры», является избранником Божьим, способным победить общее для всех европейских народов зло. Не случайно мощь врагов превышает силу смертного человека. Порой они теряют человеческий облик, превращаясь в драконов, чудовищ — представителей «всех адских сил». Тем острее чувствуется победа над ними Суворова — сына и патриота России.

В саге В.К. Кюхельбекера «Святополк» /1823/ перед решающим

сражением с убийцей братьев князь Ярослав обращается с мольбой к Богу, в которой воедино соединяются библейская и современная для героя отечественная история, о чём свидетельствует введение в монолог-молитву Ярослава ветхозаветного героя Каина и православного страстотерпца – юного князя Бориса. Молитва в произведении рождает целую цепь зависимостей, главная из которых — включение горнего мира в ткань исторического повествования, что делает малосущественным значение военной силы противников. Не в этом суть победы Ярослава. По молитве князя к Богу и Борису «открылся среди облак сонм блестящий»: небесное воинство спешит на помощь русской рати, защищающей государственную целостность Древней Руси от Святополка и ему подобных разрушителей национальных устоев.

В думе П. Шкляревского «Святополк» /1823/ задумавший убийство злодей, видя молящегося перед смертью брата Бориса, начинает испытывать угрызения совести. Но это состояние без христианского очищения, не приводящее к молитвенному вдохновению и последующему духовному возрождению. Если образ юного князя Бориса входит в православное миропонимание, то образ Святополка соединён с мифологической системой бытия, о чём свидетельствует монолог братоубийцы: обращение к солнцу, земле, сравнение себя со змеем. Святополк находится вне христианских устоев, которыми начала жить Древняя Русь, то есть отсоединён и от исторического процесса, более того, повинен в том, что первое столетие существования русского мира как мира православного было омрачено мученической кровью князей.

Молитвословие, открывая глубинные стороны характера русского человека, связывает его с внешним миром. Когда молится тверской князь Михаил, вскоре принявший мученическую смерть в Золотой Орде из стихотворения А.А. Бестужева «Михаил Тверской» /1824/, в его «пламенных» «очах» «божественный покой сияет». В молитве он ближе к Богу и Родине. Пульсация идейного содержания баллады А. Шидловского «Князь Вячко» /1826/ проходит через молитву и её реализацию, раскрывая православное

мировоззрение русского человека во взаимосвязи с его национально-государственными идеалами. Защитники Юрьева от ливонских рыцарей «перед иконой Вечного пали»:

*Не о пощаде россы молились:
Россам могучим смерть не стращна,
Россы бесславья, плена стращились,
Россов смущала дума одна:
Как бы спаст и им знамя от чизны,
Как бы со славою им умереть б...
(Благонамеренный. 1826. 363)*

Автор, противопоставляя русское сознание западному, показывает два отношения к спасению: русское — духовное, раскрывающееся в молитве, и западное — телесное, через разум, как прагматичное мировосприятие и оценка действительности. С точки зрения ливонского рыцаря, трижды предлагающего русским воинам сдаться «на милость» победителей, чтобы сохранить, пусть бесславную, жизнь, их мольба к Богу о спасении знамени «отчизны», о желании «со славою умереть» и предпочтении смерти позорному плену не разумны, поскольку лишены рационального подхода. Однако происходящие вслед за молитвой события свидетельствуют о том, что чаянья русских отражают Промысел Бога, который удостоит тех, «кто за Отчизну пасть не страшился», «храмов» и «алтарей».

Молитва создаёт ореол благочестия в глазах русского человека. По православной традиции переступивший порог дома гость сначала молится перед иконами, а затем уже приветствует хозяев, что показывает его добрые намерения. В поэме Е.Ф. Розена «Рождение Иоанна Грозного» /1830/ боярин Шигоня в знак того, что царь простил его, «бывшего раба», приглашает государя Ивана Васильевича к себе домой почтить «молитвой царскою» «смирненные иконы».

Искренняя молитва всегда находит отклик у Бога. В поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» /1820/ в русском стане, защищавшем Киев от печенегов, богатырь Руслан появляется на поле битвы, когда силы защитников были на исходе. Но Богом были услышаны «падших скорбный стон и русских витязей молитвы». Путь Руслана определён Творцом, о чём свидетельствуют слова другого героя поэма Финна, предсказывающего ему великое будущее. «Грозный меч» богатыря «бедою грянет» на врагов Киева, и на город «снимет кроткий мир». В поэме князь «один, близ дочери своей» пребывает «Владимир в горестной молитве», мечтая о том, чтобы Людмила проснулась. И вскоре это происходит. Чародейские козни посрамлены, добро восторжествовало.

В поэме Р. Сладковского «Пётр Великий» /1803/ перед Полтавской битвой Господь в ответ на молитву к нему царя, просящего быть помощником «России ополченной» объявляет свою волю:

*Сражения сего Петру я верх вручаю,
Гордыня примет казнь, вандалов унижаю,
Надменный в мыслях Карл от правды отступил,
Лишился чрез сие всемогущих, горних, сил.*
(Сладковский 1803. 47)

Симптоматично, что противник царя Петра I шведский король Карл XII не удостоивается общения с Творцом. О том, что Бог на стороне русского самодержца, в поэме А.Н. Грузинцова «Петриада» /1812/ врагу России сообщает некий пустынный.

Молитва не может соединяться с языческими действиями; если же такое происходит, то данное сочетание является знаком общего неблагополучия, предвещающим трагические перемены в жизни героев. В поэме А.И. Одоевского «Василько» /1827–1830/ прощание князя Тербовольского с супругой Мстиславной происходит перед иконами. Однако мироощущение героев не проникнуто христианским вдохновением. Если князь еще

произносит слова о необходимости отслужить молебен «в обители святого Михаила», то Мстиславна полностью соединяется с языческими силами. Даже её молитва после прощания с мужем не может отторгнуть от них княгиню, находящуюся то в мистических переживаниях, то в гадательно-ворожейных действиях, что уже предопределяет неотвратимость будущих жестоких страданий князя Тербовльского.

Через молитву оцениваются герои. Ф.Н. Соловьёв в «Отрывке из недоконченной поэмы» /1831/ избегает ситуаций, хотя бы в какой-то мере связывающих царя-самозванца Бориса Годунова с Творцом. Например, он пропускает важное событие в биографии Бориса и всего государства — венчание Годунова на царствование, во время которого молился «патриарх Иов, перед иконами Владимирской и Донской, благословил его на Государство Московское и всея России; нарёк царём, и провозгласил ему первое многолетие» Будущий правитель Борис Годунов от «Лика Божьего бежит», чувствуя «гнев в очах» «Девы Пресвятой», «Спасителя», «Лика чудотворца Николая», «Собора Бесплотных» (Метеор 1831. 53) Борис не может не только молиться, но даже видеть иконы, лишь робко «подходит к ним». Единения не происходит, о чём свидетельствует символический жест — погашение лампы.

Молитва всегда обращена к Богу, Божьей Матери и другим небесным силам. В противоположном случае она превращается в лже-молитву, несущую в себе не христианское, а бесовское начало. Об этом прямо говорит в поэме «Руслан и Людмила А.С. Пушкин, изображающий пленённого Русланом чародея Черномора, который, страшась возмездия русского богатыря, «чернокнижным языком усердно демонам молился».

Заключение

Ценностные ориентиры поэзии первой трети XX в. не только помогают авторам реализовать индивидуальные творческие интересы в рамках литературной системы, но и открывают её возможности в выявлении

онтологических свойств национального характера. Эсхатологическое мировосприятие русского человека, выдвинув приоритет духовного над телесным, наделило сакральностью Слово, что сделало его в русской поэзии ключевым фактором в раскрытии национального самосознания.

Литература

- Бердяев Н.А. (1990). *Смысл ист ории*. М., Изд-во «Мысль», 173 с.
- Благонамеренный*. (1826). № 6, СПб., с. 361-367.
- Карамзин Н.М. (1988). *Ист ория государст ва Российского: в 12 т., Т. 10*. М., Изд-во «Книга», 166 с.
- Мет еор*. (1831). М., с. 50-69.
- Макарий (Глухарёв), архимандрит. (1905). *Письма*. Казань, Изд-во «Центральная типография», 558 с.
- Сладковский Р. (1803). *Пёт р Великий*. СПб., Изд-во «Императорская типография», 145 с.
- Собрание ст ихот ворений, от носящихся к незабвенному 1812 году. В 2 ч.* (1814). М., Изд-во «Университетская типография», Т. I. – 247 с; Т. II. – 250 с.
- Степанов А.П. (1821). *Суворов*. М., Изд-во «Университетская типография», 230 с.
- Франк С.Л. (1996). *Русское мировоззрение*. СПб., Русское мировоззрение, Изд-во «Наука», 786 с.

Bibliography

- Berdyayev N.A. (1990). *Smisl istorii*. M., Izd-vo «Misl», 173 s.
- Blagonamtrenniy*. (1826). № 6, SPb., s. 361-367.
- Karamzin N.M. (1988). *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: v 12 t., T. 10*. M., Izd-vo «Kniga», 166 s.
- Makariy (Gluharjov), arhimandrit. (1905). *Pisma*. Kazan, Izd-vo «Zentralnaya tipografia», 558 s.
- Meteor*. (1831). M. S. 50-69.
- Sladkovskiy R. (1803) *Pyetr Velikiy*. SPb., Izd-vo «Imperatorskaya tipografiya», 145 s.
- Sobranie stihotvorenij, odnosyachihsyc k nezabvennomu 1812 godu: v 2 ch.* (1814). M., Izd-vo «Universitetskaya tipografiya», Ch. I – 247 c.; Ch.2.– 250 c.
- Stepanov A.P. (1821). *Suvorov*. M., Izd-vo «Universitetckaya tipografiya», 230 s.
- Frank S.L. (1996). *Russkoye mirovozzreniye*. SPb., Izd-vo «Nauka», 786 s.

پروہشگاہ علوم انسانی و مطالعات فرہنگی
پرتال جامع علوم انسانی

موتیو ارتباط با خدا در اشعار روسی ثلث آغازین سده نوزدهم

تاتیانا نسترووا*

استاد دانشگاه دولتی کشاورزی میچورینسک.

میچورینسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئن 2015، تاریخ پذیرش: ژوئیه 2015)

در مقاله حاضر، شعر روسی ثلث آغازین سده نوزدهم تحلیل و بررسی شده است. این مقوله، همانند کل ادبیات روسی، هیچ‌گاه به‌طور خاص جولانگاه ادب و هنر نبوده، بلکه به‌عنوان فاکتور خودآگاهی ملی دوره تاریخی نیز نقش آفرینی کرده است. تصمیم‌گیری برای حل چالش‌های ادبی و هنری، سرایندگان را بر آن داشت تا به موضوعات تاریخی و سنت‌های مذهبی-ارتدکسی فرهنگ روسی که در حقیقت فاکتورهای تعیین‌کننده اصول و پایه‌های اصالت ملی هستند، رجوع کنند. شاعران با استعدادها گوناگون، مواضع و دیدگاه‌های ایدئولوژیک و گرایش‌های ادبی متنوع در یک‌چیز با یکدیگر اشتراک دارند و آن اینکه، سرچشمه‌های خودآگاهی ملی بر دوپایه اولیه استوار است: عقاید معنوی مرتبط با مذهب ارتدکس، و اصول تاریخی مبتنی بر ایدئولوژی‌های حکومتی. هر دوی این‌ها با همکاری بی‌واسطه با یکدیگر، مهم‌ترین ویژگی بینش روسی به جهان اطراف را آشکار می‌سازند، بینشی که در مسیر کهن‌الگوی رستاخیز قرار دارد و قائل به ارجحیت اصول معنوی در زندگی است. شاعران با توسل به ژانر دعا، از طریق موتیو ارتباط با خدا، ارزش فراوانی به سخن می‌بخشند.

واژگان کلیدی: خدا، مذهب ارتدکس، دعا، ارتباط با خدا، عقاید معنوی.

* E-mail: tnester60@yandex.ru